

В этот момент теплая волна снова приблизилась к нему:

— Сначала хорошенько выпипись.

Длинные ресницы Лу Личжи, которые до этого не переставая трепетали, наконец замерли.

Видя, что он больше не пытается заставить себя прийти в себя, Цзян Байе завернул его в собственную верхнюю одежду, но даже после этого человека в его объятиях продолжало сильно колотить крупной дрожью.

Стоявшие в растерянности всё это время сельчане наконец пришли в себя и подсказали:

— Его бьёт озноб, как бы не замёрз насмерть!

Хотя все и считали, что Лу Личжи приносит несчастье своим родителям и что от него одни беды, к образованному человеку у них всё же сохранялось положенное уважение. Тем более в такой ситуации — догадавшись, что Цзян Байе не убийца, а наоборот, спас человека, они осмелели.

Они поспешно помогли проводить его домой, а заодно позвали деревенского лекаря-самоучку из соседней деревни.

Цзян Байе так и шёл с голым торцом, весь промокший насквозь. Пусть он и был парнем толстокожим, но тащить на себе взрослого мужчину всю дорогу, когда тот от холода так и норовил прижаться всем телом к его груди, оказалось выше его сил — всё его тело напряглось, и ему было ужасно неловко.

— Чансуй! — испуганно воскликнула Госпожа Хэ, увидев его в таком виде. — Что с тобой приключилось, в воду свалился? А где одежда?!

Цзян Байе смутился ещё сильнее. Подняв длинную ногу, он одним ударом распахнул дверь в Дом Лу Личжи, внес парня внутрь, уложил на кровать и только тогда смог перевести дыхание:

— Быстро поставьте нам котел с водой, чуть позже искупаемся в горячей воде, может, удастся прогнать холод.

Однако, когда вода закипела и пришло время раздевать Лу Личжи, Цзян Байе обнаружил, что тот обеими руками намертво вцепился в воротник на груди и ни за что не хочет разжимать пальцы.

Стоило ему применить хоть немного силы, как утонченные брови Лу Личжи тут же болезненно и судорожно хмурились.

— Такой взрослый мужик, а ещё и такая недотрога! — Цзян Байе переполняло беспомощное раздражение, и он понятия не имел, что с этим делать, пока мать не вытолкнула его за дверь:

— Ступай искупайся сначала, не хватало еще и тебе слечь. Я сама его оботру.

Цзян Байе возвращался назад, поминутно оглядываясь с тревожным сердцем. Вернувшись, он мылся с необычайной быстротой и наспех вытерся полотенцем — не прошло и четверти часа, как он уже шел к ним широким шагом, на ходу завязывая пояс одежды.

— Ну как?

Лекарь-самоучка к тому моменту уже закончил осмотр. Он только что убрал пальцы с запястья пациента и, не поднимая головы, произнес:

— Холод проник в тело, селезенка и желудок ослаблены. Выпишу пару отваров, да поживит хорошей едой — и всё должно быть в порядке.

С этими словами он достал из своей дорожной аптечки несколько бумажных свертков с травами — судя по всему, из тех, что всегда носит с собой, — и потребовал сто вэней.

Госпожа Хэ тут же ахнула от удивления.

Чансуй с самого детства ничем не болел, а сами они порой даже к лекарям обращаться не решались из экономии, поэтому она, разумеется, понятия не имела, что лекарства могут стоить так дорого.

Цзян Байе совсем не удивился. Из-за несовершенства методов обработки лекарственных траворов в этом мире полезных веществ в них оставалось не так уж много, да и знающих толк в целебных растениях людей было мало, так что травы стоили по-настоящему дорого, а за некоторые редкие виды и вовсе невозможно было назначить цену — они не продавались ни за какие деньги.

Он захватил с собой кошель, когда они только шли сюда, и теперь сразу же вытащил оттуда двести вэней:

— Заверните-ка еще несколько пачек. Этой порции явно не хватит на курс, а если болезнь вернется, вылечить ее будет еще труднее.

— А ты соображаешь! — лекарь приподнял веки и окинул его удивленным взглядом. Обычно другие только и делали, что жаловались на его грабеж, умудряясь растягивать две жалкие горсти трав на несколько дней, экономя каждый грамм и нарушая все предписания — пили отвар до тех пор, пока от него уже не оставалось никакого вкуса.

Но ничего не поделаешь, бедные семьи просто не могли позволить себе нормальное лечение.

Как только лекарь ушел, Госпожа Хэ принялась сокрушаться от жалости:

— И зачем же ты такой глупый, накопил столько лекарств? Сможет ли Учёный Лу вернуть нам серебро? Мы ведь теперь должны ему еще больше, чем раньше!

Хотя она и ворчала, но тут же поспешила поставить отвар на огонь — из-за истории с кражей кур у нее на душе всё еще лежали тяжелым грузом угрызения совести перед Лу Личжи.

Цзян Байе тоже начал ломать голову над тем, где достать денег. На лекарства для Лу Личжи ему было ни капли не жалко потратиться — в конце концов, инвестиции в главного героя всегда окупаются сторицей.

Но без гроша в кармане и впрямь ничего не сделаешь, ему было необходимо срочно заняться вопросом заработка!

Проспав трое суток в полубессознательном состоянии, Лу Личжи наконец пришел в себя. Все эти дни Цзян Байе собственными руками готовил точно такую же еду, от которой тот ранее отказался, и кормил его ложки каждый раз, когда наступало время приема пищи.

Глядя на то, как тот в полузабытии совершенно не сопротивляется и позволяет делать с собой всё что угодно, Цзян Байе чувствовал, как в нем вновь пробуждается нездоровый азарт.

— Ну что, всё еще упрямисься? — пользуясь тем, что парень снова провалился в сон, Цзян Байе бессовестно творил с ним всё, чего душа пожелает.

Впрочем, будучи по природе парнем хорошим, Цзян Байе толком не знал, как именно нужно творить бесчинства, поэтому его «безобразия» ограничивались исключительно кормлением кашей, отварами да заботливым уходом, от которого тот выглядел важной господской персоной.

Но ему всё казалось мало, да и внутреннее ощущение подсказывало, что что-то здесь не так — события явно развивались совсем не по тому сценарию, но почему-то это ничуть его не тяготило.

Напротив, он увлекся этим процессом настолько, что оторваться было невозможно. Особенно сейчас, когда Лу Личжи распахнул глаза, и уровень предвкушения Цзян Байе взлетел до небес:

— Ты наконец очнулся.

— М-м... — хриплый голос заставил Цзян Байе на миг замереть: — У тебя такой красивый голос...

В тот же миг в него со злостью полетела фарфоровая подушка, которую он, впрочем, ловко поймал на лету:

— Похоже, тебе уже намного лучше.

Лу Личжи мрачно уставился на него. Каким образом этот малый ворвался к нему в дом, да еще и пробрался в спальню? Наблюдая за тем, как непрошенный гость с привычной легкостью наполняет водой из кувшина чашку и протягивает ее к его губам, парень услышал:

— Сначала смочи горло.

Лу Личжи резким движением выхватил кинжал и взглядом приказал ему убираться!

— Сначала выпей воды, — Цзян Байе не отступил ни на шаг и, нисколько не страшась острого лезвия, поднес чашку еще ближе.

Лу Личжи машинально облизал губы, и край чашки коснулся его рта. Чистая, сладковатая теплая вода оказалась совсем не похожа на ту, что он пил раньше; мучимый жаждой разум отказывался соображать, и парень инстинктивно протянул руки, обхватив чашку.

Цзян Байе налил ему еще одну.

Когда с питьем было покончено, кончики ушей Лу Личжи слегка покраснели. Осознав, какую глупость он только что совершил, он опустил длинные ресницы, не зная, как теперь смотреть этому человеку в глаза.

Цзян Байе оказался на редкость понятливым и послушно удалился, оставляя его одного, чтобы тот мог спокойно всё обдумать.

Этот парень слишком себе на уме, с ним нужно соблюдать меру.

Услышав удаляющиеся шаги, Лу Личжи действительно почувствовал облегчение, но тут же, словно что-то вспомнив, испуганно принялся шарить руками по собственному телу.

Убедившись, что на нем по-прежнему надето нательное белье и штаны — ровно то же самое, что и три дня назад, и что никаких следов того, что одежду снимали, нет, — он наконец позволил себе расслабиться.

Поднявшись с постели, он обошел комнату и с удивлением обнаружил, что абсолютно все вещи лежат на своих местах. Даже чашка, которой только что пользовался Цзян Байе, стояла аккуратно ровно там, где ей полагалось стоять, без малейшего смещения.